

И.В. ТРОЦУК

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕЛЬСКОЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ
МЕТОДИЧЕСКИЕ, ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ И
ПОЭТИЧЕСКИЕ**

**ВИНОГРАДСКИЙ В.Г. «ОРУДИЯ СЛАБЫХ»: ТЕХНОЛОГИЯ И
СОЦИАЛЬНАЯ ЛОГИКА ПОВСЕДНЕВНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО
СУЩЕСТВОВАНИЯ. САРАТОВ: ИЗД-ВО САРАТОВСКОГО ИН-ТА
РГТЭУ, 2009. — 292 с.**

Первое, на что любой читатель обращает внимание, взяв в руки книгу, — ее аннотация. В рецензируемом издании она весьма немногословна, но предельно информативна. Во-первых, монография основана «на материалах полевых социологических исследований»¹, значит, по определению должна быть интересна и не затеоретизирована. Во-вторых, в ней «излагаются методолого-методические и предметно-информационные результаты исследования» — можно ожидать не только развернутого описания предметной области изучения с авторскими интерпретациями, но и раскрытия «кухни» подготовительной, полевой и аналитической работы. В-третьих, в центре внимания автора «повседневные социально-экономические практики российского крестьянства». Сразу понятно, что исследование выполнено в рамках качественного подхода человеком, который не склонен к новомодным отстраненным размышлениям о том, остались ли сегодня в России крестьяне или нет: российское крестьянство для него — очевидный и непререкаемый факт социальной действительности. И наконец, издание рекомендовано «исследователям в области социологии, социальной антропологии, крестьяноведения, социально-экономической географии, краеведения, специалистам по социальной политике, аспирантам, студентам». Столь широкий дисциплинарный круг прекрасно иллюстрирует как особенности качественного подхода и междисциплинарность предмета изучения, так и специфику книги: ее проблемные

Троцук Ирина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. **Адрес:** 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2. **Телефон:** (495) 433–20–22.

Электронный адрес: irina_trocuk@rambler.ru

¹ Автор часто прибегает к цитированию слов и выражений из рецензируемой книги. Чтобы не перегружать текст, все они приводятся без указания страниц; но из контекста рецензии ясно, в каких разделах находятся цитируемые фрагменты. — *Прим. ред.*

выводы важны прикладным специалистам, предметные и методические — вступающим на профессиональный путь. Попробуем рассказать о книге, выстроив повествование вокруг этих осей, раскрыв их содержательные акценты, очевидные достоинства и неизбежные в любой исследовательской и писательской работе огрехи, отталкиваясь от выбранной автором терминологии.

Итак, в основу монографии легли результаты двух крестьяноведческих проектов. Временные рамки первого — 1990–1994 гг.: он был задуман как длительная экспедиция в сельские районы России для неторопливого общения с участниками событий более чем полувековой давности, чтобы записать их подлинные голоса, воспоминания и оценки (параллельно велась работа профессиональных историков в архивах). Второй пятилетний проект, начавшийся в январе 1995 г., был призван показать перестройку всей жизни на селе в то время. Нет смысла подробно останавливаться на описании данных проектов — это сделано самим автором в монографии. Отметим лишь, что свою задачу В.Г. Виноградский видит в том, чтобы составить «путеводитель по крестьянским производственно-экономическим и социально-культурным мирам» на основе более чем десяти лет «вглядывания и вдумывания в разнообразные обстоятельства и сцепления российской крестьянской повседневности», «вслушивания в подлинные голоса тех, кого иногда называют “нерассуждающим большинством”».

Характеристика крестьяноведческих проектов просто не может не вызвать у профессионального читателя приступа «белой зависти»: сегодня столь длительные, неторопливые исследования вряд ли найдут финансовую поддержку (социологи зачастую вынуждены работать в условиях, когда заказ поступает сегодня, а результаты нужны «вчера»). Корпус транскриптов почти в тридцать тысяч страниц — мечта любого аналитика, интересующегося текстовыми данными, качественным подходом и крестьяноведческой проблематикой. Содержательная, методическая, исследовательская и гражданская рефлексия автора не могут не вызывать уважения. Так, он упрекает городское общество в крайне поверхностном представлении о крестьянских мирах, согласно которому сельскому существованию свойственны элементарность, неразвитость, непритязательность, отсталость, второразрядность, и даже «идиотизм»². В этом интонация «Орудий слабых» близка работам Дж. Скотта, к терминологии которого неоднократно обращается Виноградский. Ученый отмечает,

² Очевидно, Виноградский имеет в виду широко цитируемое высказывание К. Маркса об «идиотизме деревенской жизни»: оно стало настолько «народным», что в ряде текстов авторство Маркса не упоминается — дается указание, что об этом «идиотизме» писали «философы XIX века».

что люди, которые сознательно выбрали жизнь без государства в труднодоступных географических районах (обычно это крестьяне), в доминирующем историческом нарративе и массовом сознании стигматизируются как примитивные варвары, пещерные и отсталые дикари, в противовес развитости, прогрессивности, культурной рафинированности и в целом цивилизованности остальных [6]. Как и Скотт, Виноградский говорит о необходимости отказа от привычной, общепринятой, стереотипной «оптики» восприятия крестьянства, поскольку невозможно «понять существо крестьянских умений, когда к их оценке прикладывается какая-то внешняя, посторонняя, “общецивилизационная” мерка». Это возможно только если смотреть на них как на самодостаточные феномены, которые «полностью прилажены к их автору», без претензий на полноценное использование вне данного двора, деревни или сельского региона.

Единственное, чего не хватает характеристике крестьяноведческих проектов, так это некоторой «паспортички» объектов изучения — статистических данных по сельским вопросам в целом и по конкретным населенным пунктам, попавшим в выборку исследования, в частности. Но это и другие замечания следует воспринимать только как комментарии — реакцию на затруднения и неудовлетворенное любопытство, возникшие в ходе чтения книги.

Методолого-методические компоненты исследования

Первая глава задумана как «определенного сорта инструкция», «экспедиционный дневник», «бортовой журнал» и «вариант профессионального наставления полевым социологам». Свою обучающую функцию она выполняет прекрасно: ключевые характеристики качественного подхода иллюстрируются примерами из реального исследовательского опыта; даются прямые указания и предостережения. Приведем наиболее важные рекомендации: многоуровневая целевая выборка в случае огромных, неоднородных и чаще всего уникальных сельских территорий; тщательная проработка объекта изучения для поэтапного перехода от абстрактных понятий к эмпирически фиксируемому; поисковый характер работы — задачи и гипотезы не только корректируются, но и порождаются полем; длительное вживание в поле; продуманное балансирование исследователя на позиции вроде бы и «своего», но все же «иног», дистанцированного от данной конкретной действительности; сознательный отказ от формализованного, стандартизированного инструментария, «жестко очерченного вопросника» в пользу «лишь общей партитуры бесед»; неприемлемость даже вежливого отмахивания от «самодеятельных повествовательных инициатив» информантов; обязательность легализации любых технических средств в поле; неизбежность получения слабоформализуемой и неудобной для сопоставления информации (странно, что данная

конститутивная черта качественного подхода называется его недостатком); следование социологическому варианту психологического принципа «не навреди» — не только ответственное и бережное исследовательское отношение к информантам, но и, по возможности, посильная человеческая помощь; необходимость методической и исследовательской саморефлексии («создания картины неудач и возможных побед», «описания, чему мы научились и чего достигли за время работы в проекте»); итеративный и сравнительный характер аналитической работы — важно вновь и вновь возвращаться к транскриптам, стремясь постоянно «иметь перед глазами и одновременно потреблять весь имеющийся материал»; постоянное уточнение и переформулирование аналитических фокусировок. Хорошо схвачена сама суть качественного подхода — «составление большого зеркала из кусочков “маленьких историй”», «наполнение магистральной истории подробнейшей феноменологией минувших лет рутинными обстоятельствами жизни простых людей» — и сформулировано авторское кредо: «всматриваться и вслушиваться».

Черты качественного подхода, которые автор не акцентирует, но они совершенно отчетливо прочитываются в тексте, таковы. 1) Поле может менять любые исходные принципы работы: корректировать предмет и объект изучения, структуру и тематику инструментария, даже вас лично. Надо быть к этому готовым и не считать, что все пропало, а вы — законченный некомпетентный неудачник. 2) Необходима коллективная работа, потому что только взаимное одергивание может уберечь от излишней субъективности в методических и человеческих пристрастиях, чрезмерных претензий на объективность, страхов перед неизвестным и идеализаций переставших быть посторонними и чужими информантов. 3) Социолог должен владеть тремя «языками» (пусть и с разной степенью виртуозности, но вполне профессионально): научной терминологией социально-гуманитарного познания, «языком» информантов; стилем и лексикой, необходимыми для написания публикаций, предназначенных достаточно широкой аудитории. 4) Важно понимать, что качественный подход, по крайней мере внешне, близок художественной литературе — и когда речь идет о публикации результатов (яркий пример тому — рецензируемая книга), и когда мы «получаем» рассказы информантов. «По своему событийному составу и эмоциональным акцентам они поразительно напоминают шукшинские повороты», но за этой внешней простотой и обыденностью стоит сложная, кропотливая, интеллектуально и эмоционально напряженная исследовательская работа). 5) Социологическая «оптика» обязательно должна включать взгляд «снизу», «чтобы трудная история новой России не только писалась учеными, политиками и журналистами, но и отражалась тихими и скромными крестьянскими голосами». 6) Недопустимость презрительно-дистанцированного препарирования действительности по заранее

разработанным схемам — необходимы искренняя заинтересованность, научное и человеческое удивление, а не сожаление по поводу возникающих сложностей.

Объемные фрагменты транскриптов — отдельное достоинство книги: кажется, что можно пролистать несколько страниц пространных крестьянских воспоминаний о детстве, жизни в селе, технологии ткачества или земледелия, но сделать это решительно не получается — невозможно оторваться от удивительно звучных, живых, богатых лексическими и фразеологическими чудесами историй («С 1985 года у Александры Алексеевны на подворье, кроме собаки Тузика, нет никакой скотины»; «Люблю землю!.. Я вот даже зимой — сплю ночью, а во сне копаю»). Поразительно, как на самом деле богат русский язык, в котором находятся обозначения для мельчайших деталей давно вышедших из обращения предметов крестьянского обихода и труда (барабанка, чумалик, литовка, дергач/шатун и т. д.), для всех эмоциональных оттенков человеческих отношений и мировосприятия: «так запеть, шоб лампа загасла», «была в жизни желанность», «богачей считали богачами за то, что работали резко, ...угомону не знали, а бедняк — это я и глядеть на него не хочу»; «нищие по своей воле и милости»; «отживательские сейчас времена»; «колхоз...у меня все отнял: я работаю, а ты мне не только ничего не даешь на эти поганые голые трудовни, но еще, понимаешь, и издеваешься»; «это не мое, это все — казенное, а ведь свое бы он еще как стал пахать... все бы распахал, окультурил, и кустья бы все бульдозером содрал...»; в колхозе «кормили не важно, но народ дружный был», «до этого — в единоличие привыкли, а потом — в колхозах»; «хучь пишите вы, хучь не пишите, если вот работать не будете и экономно жить не будете, ни черта ничего не будет!»; «крестьянин-то — он из мелочи пользу вынет... чай, это не хитрость, это — работа!»; «нужда и барыню гребет»; «уважение-то промеж людьми — с малого начинается и кончается большим». И люди удивительные жили и живут в российском селе — по богатству исторической, семейной и личной памяти, по широте души, смиренности и одновременно упертости характера, эмоциональности и рассудительности, мудрости и наивности.

Рассуждения Виноградского о логике аналитической работы — прекрасная иллюстрация пошагового выстраивания отчета по результатам качественного исследования, предложенного Б. Глейзером, А. Страуссом и Д. Корбин [4]: «стержень, который бы организовал и удержал многообразие накопленных фактов»... нащупался интуитивно, при многократном перечитывании записанных в деревне текстов интервью... и в ходе изучения работ предшественников и учителей». В качестве центральной категории (если апеллировать к терминологии «обоснованной теории») автор выбрал словосочетание «орудия слабых». Имеется в виду и производственный инструментарий, и набор умений и навыков, традиционных крестьянских паттернов преодоления

тягот ежедневного бытия. Тем самым дается отсылка, с одной стороны, к понятию, введенному Скоттом для обозначения форм крестьянского сопротивления властям, — «оружие слабых» [3]; с другой — к русско-фольклорным характеристикам крестьянина: редко «лезет на рожон», предпочитает «прикинуться Иванушкой-дурачком», «находя обходные пути и окольные маршруты, чтобы остаться хоть чуточку неподвластным», предпочитает «согнуться, подобно былинке под ветром, но выжить и вытерпеть».

Таким образом, Виноградский действительно провел прекрасный «инструктаж» социологов, начинающих свой профессиональный путь³, однако несколько вопросов в книге остались без внимания, будучи лишь обозначены. Во-первых, автор подробно прописывает методику исследования — интервью с людьми, обладающими «повествовательным талантом», с использованием «беспроблемных» элементарных вопросов, призванных стимулировать монологи информантов и «взаимоинтересную беседу двух равноправных партнеров», создавать «атмосферу поиска правды» — не пытаясь встроить данный тип «разговора» в какие-либо классификации «качественных» интервью и не проблематизируя равноправия собеседников. (Все же статусная иерархия здесь четко просматривается — интервьюер задает вопросы, информант обладает искомой информацией). Во-вторых, автор признает, что «свидетель свидетелю рознь», что люди могут «врать как очевидцы», быть «пристрастными и односторонними, забывчивыми и несистематичными, оплакивать свою незадавшуюся судьбину», а надо через эту «произвольную, индивидуальную разноголосицу» выходить на общие значения и социальные типы. Предложенное им решение — длительное бытовое и психологическое «вживание» и перевод наблюдений и вопросов к реальности в текст тематического гайда для «информационно ненасильственных» интервью, — конечно, работает, но далеко не всегда. Интервьюер и исследователь не могут знать всех факторов смещений и существенно меньше времени, чем автор, тратят на поле, куда аналитики часто вообще не попадают. Как поступать в этом случае? Или следует просто смириться с тем, что подобные искажения — конститутивные свойства любых слабоформализованных данных биографического характера?

В-третьих, в качестве необходимого условия аналитической работы Виноградский называет доскональное знание и «чувство» материала: когда «исследователь отличает правду от откровенного вранья, факты от мифов и тарабарщины, складную болтовню от косноязычных, но наполненных истинным смыслом и сердечностью откровений», что по определению предполагает навык эмпатии и симпатию к

³В современной отечественной литературе ощутим недостаток доходчивых иллюстраций того, как выглядит реальная полевая работа. Она схематично и непонятно обрисована даже в самых хороших учебниках.

информантам. Но что делать, если ни эмпатии, ни симпатии у интервьюера, аналитика и исследователя не сложилось? Если по своим научным и человеческим характеристикам они не таковы, как автор книги? Ответа на вопрос, как же тогда работать, он не дает. Как и на вопрос, что делать в обратной ситуации: если информанты стали вашими добрыми друзьями, которых вам сложно воспринимать объективно со всеми их историями, и вы старательно обходите «острые углы», чтобы не нарушить ваших дружественных контактов (по крайней мере, признаемся, что чем дольше находишься в поле, тем больше «замыливается глаз»). Напротив, автор дает излишне радикальные рекомендации, которых вряд ли стоит придерживаться (и сам от них отступает): «необходимо максимально раствориться в деревенском сообществе, стать в глазах крестьян обычным собеседником и, если удастся, хорошим знакомым и другом». Наверное, на все эти вопросы нет и не может быть однозначного ответа, но хотелось бы знать мнение автора на сей счет. Они же поднимаются в книге «Уйти, чтобы остаться: социолог в поле» [5]. Ее авторы, как и Виноградский, предлагают видеть в социологе инструмент исследования (как и любой другой, несовершенный и не универсальный), об использовании которого нет ни слова в учебниках. В книге также акцентируется внимание на локальности и ситуативности работы методом включенного наблюдения, когда даже самые замечательные и апробированные на собственном опыте рекомендации вынужденно адаптируются к иным условиям, под иных информантов и под себя⁴.

Несмотря на последовательность и логическую связность, первая глава монографии вызывает у читателя ряд формальных вопросов. Книга состоит из двух глав — первая посвящена методологическим и методическим компонентам работы, вторая — ее содержательным результатам. Первая глава существенно меньше второй (54 и 214 страниц соответственно), поэтому возникают сомнения в необходимости выделения методолого-методического материала в отдельный раздел. Во-первых, это значительно расширенная, но все же версия уже опубликованного Виноградским текста, в котором, пусть куда менее подробно, но были суммированы рекомендации по входу и поведению в поле [1]⁵. Во-вторых, масса полезных замечаний о логике сбора и анализа информации приведена во второй главе — по ходу предметных размышлений, очень по делу и к месту. Кроме того, в первой главе практически отсутствует библиографический аппарат

⁴ Две очень разные по содержанию, стилистике и настроению книги сближает попытка разработать некий свод рекомендаций «молодому полевику».

⁵ Эту прекрасную статью-инструкцию я рекомендую студентам для понимания особенностей работы методом включенного наблюдения в качестве дополнения к базовым учебникам по методологии и методике социологических исследований.

(за исключением нескольких определений крестьянства⁶). Хотя возможные отсылки напрашиваются сами — и к Чикагской школе в случае обоснования объекта изучения в его социально-антропологической специфике; и к методу «устной истории», описанному, в частности, П. Томпсоном; и к терминологическим соответствиям, когда речь идет о методе включенного наблюдения (скажем, деревенские начальники — это пример классических «стражников» или нет?). Автор имеет полное право формулировать рекомендации на основе собственного опыта, но он говорит об очень важных моделях и методиках социологической работы до, в и после поля, которые (раз уж книга рекомендуется студентам и аспирантам) требуют более однозначной категоризации и отсылок к релевантным персоналиям. Отсутствие библиографической базы иногда затрудняет и работу самого автора. Например, он, как бы извиняясь, сообщает, что «крестьяне почему-то не склонны обобщать и однозначно подытоживать собственный опыт существования, а если и делают это, то в универсальной форме народной поговорки», хотя, как следует из большинства статей по текстовым данным социобиографического характера, подобная нерелексивность свидетельствует о хорошем подборе информантов и об их отличных нарративных навыках.

Предметно-информационные результаты исследования

Вторая глава кинематографически изображает трансформации повседневной жизни российского села с доколхозного периода до сегодняшнего дня, делая акцент на двойственности крестьянской природы. С одной стороны, крестьянин — активный субъект «большой» общественной истории, особенно в первой половине XX века. С другой — наверное, нет иного социального типажа, который бы вел столь подчиненное существование. Он подчинен и естественному природному циклу, и обстоятельствам государственного строительства, и сменам политического и социально-экономического курса, и изменениям административного ландшафта и сельскохозяйственных технологий. В итоге «кинофильм» получается разноречивый. Сеть междворовых отношений (основа жизнеспособности и продуктивности села) регулярно искажается и рвется, и судьба поселения, брошенного на путь самовыживания, становится непредсказуемой. В то же время в социально-территориальных сообществах воспроизводятся некие неуничтожимые и функционально специализированные связи, которые определяют выживание крестьянина как социального типа в самые тяжелые для него исторические периоды.

Кинематографический эффект достигается за счет развернутых «показов» судеб деревни: исторической эволюции типичного крестьянского двора, причин и критериев богатства и бедности, количества

⁶Из хрестоматии «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире» (сост. Т. Шанин. М.: Прогресс-Академия, 1992).

и качества труда и питания как важных индикаторов экономического благосостояния и мастерства крестьянской семьи. Демонстрируются проблемы крестьян, расстающихся «с дворовым жизненным укладом с его напряженной простотой», сельские инициативы и странности, модели взаимодействия с властями, материально-технологическая и невещественная оснащенность двора как «инструмент выживания». «Показы» эти основаны на биографиях реальных сельских жителей, которым предоставлена возможность высказаться без обиняков, на своем обычном «лексиконе», используя и крепкое словцо, и фамильярности: *«дедушка Ленка (Брежнев) делал хорошо»; «в колхозе трактор если изломался, они его оставляют и пошли, и им хрен по деревне»; «сейчас друг к дружке совсем не ходят — это какая, хрен, жизнь?»*.

Стержнем, связывающим все многообразные трансформации российского села на протяжении XX в., служит переход от *Gemeinschaft*'ных к *Gesellschaft*'ным отношениям. Междворовые контакты двигаются в сторону частичного или полного распада (прагматизации, рационализации, отчужденности, упрощения, опосредованности) — при сохранении некоей жизненной ткани, которая скрепляет сельское поселение в единое саморегулирующееся сообщество, выживающее вопреки всему. Эту субстанцию не уловить внешним, даже включенным наблюдателям и не описать научными концептами. Первая тенденция осознается и артикулируется информантами⁷. Вторая находит разное воплощение в зависимости от особенностей региона, района, села и взаимосвязей крестьянских дворов. Где-то это традиция совместного сенокоса, где-то — посиделки в сельском клубе, где-то — гуляния по случаю общероссийских, местных, религиозных праздников и т. д. Крестьяне всегда помогают друг другу и в житейских мелочах, и в сложных жизненных ситуациях: «видна ненарочная, растворенная в повседневных потребностях и делах, забота о поддержании нормальных человеческих отношений между дворами и о психологическом здоровье деревни».

Видимо, основу этого механизма самосохранения и составляют «орудия слабых». Одно из них — откровенно криминальные действия, когда крестьянство в 1990-е гг. выживало за счет воровства из колхозов: *«...Нам в колхозе ничего не дают, постоянно окорачивают да обещают. Вот и приходится воровать. Жить-то надо! Кормиться надо!.. Воруют...»* Но воровство — изобретение не последних десятилетий: раз

⁷ В силу возраста (интервью проводились с сельскими стариками) они несколько идеализируют «прежние порядки» и пессимистично оценивают нынешние реалии, волнуясь за судьбу детей и внуков: *«раньше люди дружнее жили... сейчас-то у всех денег много завелось... все — злые и ненавистные... телевизоры зажгут и сидят как пеньки... один на другого косится, ругаются, не ладят...», «люди стали такие ехидные да брехливые», «помогают соседям только злом».*

«бедность — это судьба», то *«воровали, как и сейчас; завсегда хитрил русский человек, а иначе не проживешь»*. То есть оно считается не чем-то постыдным, а константой крестьянской жизни, о которой можно говорить даже с благодарностью: *«колхоз нам помог детей воспитать, потому что все время мы из колхоза приворовывали»*. В качестве иных «орудий» выступают:

глухое недоверие к любым правительственным инициативам (*«нам бы никакой власти не надо»*), «бесхитростный саботаж колхозных порядков с их обезличкой и работой задаром», задабривание своей родной и карманной местной власти, которую надо «напоить, обласкать, приветить, и она отстанет и простит» или научит, как воровать надо (*«вот, дай Бог ему здоровья... Шилин, милиционер участковый... это он меня научил, как воровать!»*);

предупреждение (например, «потихоньку, по-соседски» о грядущем раскулачивании) как элемент крестьянской корпоративности, которая оживает, если селу грозит опасность из постороннего, чуждого деревне «внешнего» мира;

«система мелких и крупных актов взаимопомощи, взаимоподдержки, взаимовыручки», основанная на принципе «бережливости друг к другу», бескорыстной помощи ослабшим хозяйствам, которая оказывалась без самолюбования и героизма, как тягостная, отнимающая немало сил и средств, но естественная норма и условие выживания двора и деревни;

«игра на публику», чтобы подтвердить стереотипы горожан и центральной власти о типичном сельском жителе, с которого вроде и взять-то нечего (*«а мы тут, в степях, — пеньки пеньками»*, *«мы неграмотные, тупые»*, хотя *«нам голод не страшен — это вы там в городе повымрете»*).

В последнем случае слышится извечное, а здесь сознательно и провокационно акцентированное противостояние города и деревни, отмеченное и автором: «...подчеркнутая любовь информантов к земле — это, возможно, и реакция на нелюбовь к земле и крестьянам, нередко прочитываемая в нынешних действиях современного чиновничества».

Понимание сути трансформаций, переживаемых сельской Россией, затрудняется логикой структурирования текста: в каждом подразделе одни и те же характеристики (например, в первом параграфе это шесть черт экономики двора) рассматриваются отдельно в разные исторические периоды. Может быть, разбивка второй главы на четыре больших раздела⁸, по каждому из которых была бы показана смена

⁸ Доколхозный крестьянский двор (1900–1920-е гг., традиционное общинно-единоличное хозяйство), раннеколхозный крестьянский двор (начало 1930-х – конец 1950-х гг., возникновение колхозов и эволюция части крестьянских дворов), позднеколхозный крестьянский двор (начало 1960-х – 1990-й год, реорганизация аграрной сферы) и новейший крестьянский двор (1991–2000 гг., не вполне пока ясные и систематические изменения сельской жизни).

экономических, технологических, культурологических, поведенческих и нравственно-психологических паттернов повседневности, сделала бы текст более удобным для восприятия. Выбранный автором формат второй главы создает ощущение повторов и временных перескоков. Более того, такая модель изложения оказывается затруднительной и для него самого: он признается, что по ряду тематических блоков информации оказалось очень мало (по другим — избыточно), многие транскрипты сложно разобрать по блокам, потому что они теряют смысл.

Отдельного упоминания требует стилистика книги: если бы не первая глава и повторяющаяся структура разделов второй, ее можно было бы читать как хорошую художественную литературу (или сценарий фильма). Утверждать подобное позволяют, по крайней мере, два обстоятельства. Первое — это характеристика современности, данная лауреатом Нобелевской премии по литературе Дорис Лессинг: «Мы читаем романы, чтобы получить информацию о тех областях жизни, с которыми мы не знакомы... читаем, чтобы узнать, что происходит... большинство романов, если они вообще имеют хоть какой-то успех, интересны в том смысле, что сообщают о существовании какой-то области в жизни общества, о типе личности» [2, с. 89–90]. Если отбросить наукообразные текстовые фрагменты, «Орудия» — прекрасный роман о жизненном пути российского крестьянства в XX в. Его персонажи произносят почти шекспировские монологи о своей биографии как социально-типичной судьбе. И роман этот столь же увлекает, сколь и наводит на размышления. Как справедливо отметил автор, «любое обобщение допускает противоречащие основному выводу и не вмещающиеся в него моменты». Читатель постоянно находит нестыковки в интерпретациях речи информантов, используемых понятиях и выражаемых эмоциях. Он вынужден вновь и вновь перелистывать страницы, чтобы уточнить правильность прочтения и признаться самому себе, что все очень сложно и неоднозначно. Это одновременно и свойство хорошего исследовательского текста, позволяющего информантам говорить самим за себя, и отличная демонстрация сложности социологической работы в рамках качественного подхода: повседневность настойчиво противостоит попыткам своей более или менее стабильной и однозначной фиксации.

Второе обстоятельство — слог автора. В тексте встречаются яркие метафоры: «мощный технический и глобализационный ураган», «нехитрый русский ремонт утомленным жизнью душам», «научно-организационная рецептура, сознательно очищенная от досадных случайностей и промахов», «исследовательский маршрут социологического проекта», «нокаутированный властями зажиточный двор», «интеграл дворовых свойств», «жизненный тонус семейного хозяйства», природа как «крупногабаритный инструмент двора», «тайный развод колхоза и крестьянского двора». Богат текст русскими народными пословицами и поговорками: «один в поле не воин» как принцип

существования и выживания села; «русский человек, как известно, крепок задним умом». Строеение и звучание фраз — почти поэтическое: «иные здравствуют и сегодня, продолжая смиренно претерпевать тяготы современного социально-экономического устройства и надеясь на лучшее», «анализ — это свободный полет сквозь материал; правила и рисунок этого полета должны быть изобретением... сугубо индивидуальным», «скудный праздник людей одной судьбы», «область “великой неизвестности”», то и дело проходя мимо пальцев, систематически сигналила о своем существовании», «вдруг шлюзы памяти распахиваются настезь», «разбуженный азарт воспоминаний требует пищи». Своей простотой и благозвучием речь автора напоминает русский былинный эпос: «упокоились на деревенских кладбищах последние очевидцы коллективизации»; «быть может, сыщутся люди, которым пригодится наш опыт, и они отважатся продолжить начатое дело»; «есть двор и двор», «вовсе уж зряшных разговоров для социолога не бывает — все нужно и все годится в дело». Автор внедряет множество терминологических придумок: сельский эскапизм, бестолковщина, обыденные психотравмы, повседневная суверенность двора, микрооговорка и микроворовство, крестьянский дилетантизм, поливалентный социолог, «деревенские атлантиды», «аналитический прилавок», громоздкая колхозная «галера», «форсаж памяти» информанта, научная «машинерия» социолога.

Книга Виноградского в этом смысле — редкий пример кропотливой работы со словом, которая, как любая текстовая деятельность, где-то оказывается удачной, а где-то — не очень. Так, многие понятия автор тщательно «операционализирует», показывая сложность перехода от абстрактных концептов к эмпирически схватываемым их эквивалентам (таковы «крестьянские миры и дворы», «судьбы и биографии»). Он точно подбирает терминологические характеристики описываемых явлений: «технология и логика крестьянского существования», где примечательна оговорка — не жизни, а именно существования. Наряду с этим иногда увлекается, используя не очень удачные («оперирование с текстом вопросника», «невыговариваемое сознание», «социологические контакты») и даже странные конструкции⁹.

⁹ «Мультирегиональный принцип наблюдения» — вместо целевой выборки; «весь исследовательский цикл — по сути период пилотажа»; «закрытые анкеты»; «созидательная методология»; «гносеологическая пауза»; сверхзадача «социологического маскарада» — вместо поиска оптимальной степени включения в поле; «лабораторные процедуры» как обозначение этапа анализа после завершения полевой работы. Все возможные формобразования от слова «преданализ», за которым скрывается первичная обработка данных, тематическая разбивка транскриптов, хотя автор в свойственной ему поэтической манере говорит о «тщательном “взрыхлении”» плотно слежавшихся в памяти крестьян синкретичных

И, наконец, следует отметить очень личную тональность книги, в которой ясно читается отношение Виноградского к тому, о чем он пишет, к тем, о ком рассказывает, и к себе в ипостаси автора («подлинными авторами» он называет информантов). Личная важность текста делает его очень цельным, ярким и эмоциональным и одновременно — неровным и нервным, демонстрируя «все человеческое» автора. Это поразительная ответственность и равнодушие (признается, что «боится ошибиться... упустить существенное... соскользнуть в очевидные и поэтому неверные выводы»), что ему «тяжело было слушать рассказы» о проблемах выживания бедных крестьянских дворов), честность (констатирует, что многие вопросы и взаимосвязи ему пока непонятны, а предложенная модель путевода по текстовому пространству проекта условна и приблизительна), скромность (постоянно уточняет, что исследование было задумано «как скромная попытка... углубиться в объяснение хотя бы некоторых элементов загадочности и неизвестности»), что о буднях крестьянской жизни лучше и подробнее могут написать культурологи и этнографы), романтизм и оптимистичность. Скажем честно, такие исследователи нетипичны для нашего прагматичного века. Этим книга и хороша, хотя отразить ее многогранность с точки зрения содержания и стилистики рецензия не в состоянии. Жаль, что по объективным причинам (издана крохотным тиражом в 100 экземпляров в Саратове) она вряд ли попадет в руки большого числа читателей, которым просто необходимо ее прочесть по профессиональным, гуманистическим и, наверное, даже патриотическим соображениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградский В.Г.* Крестьянские семейные хроники // Социологический журнал. 1998. № 1-2.
2. *Лессинг Д.* Золотая тетрадь / Пер. с англ. Е. Мельниковой. СПб.: Амфора, 2009.
3. *Скотт Дж.* Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 26–59.
4. *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
5. Уйти, чтобы остаться: социолог в поле / Под ред. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетей, 2009.
6. *Scott J.C.* The art of not being governed: An anarchist history of upland Southeast Asia. New Haven and London: Yale University Press, 2009.

информационных пластов». Различение преаналитических и собственно аналитических процедур выглядит большой натяжкой, и ссылка на коллективность первых и индивидуальность вторых мало спасает положение.